

An impressionistic painting of a sky with soft, blended colors ranging from light blue and white at the top to warm orange and red at the bottom, suggesting a sunset or sunrise. The brushstrokes are visible and textured.

Стивен Крейн

Путешественники поневоле

Стивен Крейн

Путешественники поневоле

«Автор»

2024

Крейн С.

Путешественники поневоле / С. Крейн — «Автор», 2024

Стивен Крейн (1871-1900) — американский писатель и журналист, оказавший большое влияние на англоязычную культуру. Многие из его произведений стали классикой американского литературы. В данный сборник вошли 16 ранее не переводившихся на русский язык рассказов Крейна, включая новеллу "Чудовище" (1899), считающуюся одной из лучших в творчестве писателя.

© Крейн С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Путешественники поневоле	5
I	5
II	7
III	9
IV	11
V	13
VI	16
Аукцион	19
Один в поле воин	21
I	21
II	23
III	25
IV	27
V	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Стивен Крейн

Путешественники поневоле

Путешественники поневоле

I

Двое мужчин сидели на берегу моря.

– Знаю, я очень некрасивый, – грустно сказал один, рассеянно ковыряя в песке концом трости.

Его спутник смотрел на волны. Он, казалось, чувствовал себя очень неудобно, как человек, который собирается сделать кому-то выговор. Вдруг его лицо приняло жесткое выражение.

– Это точно, – начал он запальчиво. – Да ты просто безобразен! Не обижайся, но должен сказать, что твоя кожа с веснушками очень напоминает плохие белые обои, засиженные мухами. Голова у тебя сплюснутая, да еще лысина, а фигура – Бог мой!

Некоторое время они молчали и смотрели на волны, которые, как сонные котята, тихо мурлыкали у их ног. Наконец, первый мужчина сказал с вызовом:

– Ну, если и так, что с того?

– Что с того? – вскричал второй. – Да то, что в купальном костюме ты будешь выглядеть просто ужасно.

Они снова замолчали. Мужчина с веснушками, казалось, мучился от стыда. Его высокий собеседник сердито смотрел на окружающий пейзаж.

– Я все равно это сделаю, – вдруг выпалил веснушчатый. Он резко поднялся с песка и пошел прочь. Высокий последовал за ним, саркастически улыбаясь и глядя сверху вниз на его округлую, но решительную фигуру.

Смотритель купальни с превосходством посмотрел на них через щель в дощатой стене. Веснушчатый, показывая руками на свое тело, обратился к нему с просьбой выдать костюм подходящих размеров. Смотритель глубоко задумался. В конце концов, он протянул веснушчатому синий сверток с таким видом, словно на глаз точно определил его габариты, и тот решительно зашагал дальше.

– Послушай-ка, – сказал высокий, идя за ним. – Клянусь, он тебе выдал настоящую римскую тогу. Он же не мог...

– Нет, мог, – перебил его веснушчатый. – Я видел, как он меня всего оглядел и прикинул размеры.

– Ну, а представь, если он ошибся. Представь, что...

– Том, – снова перебил его другой. – Доставай свой идеальный костюм и пошли переодеваться.

Зло выругавшись, высокий направился к ряду деревянных кабинок и закрылся в одной из них. Его спутник вошел в другую. Сначала он почувствовал себя, как тучный монах в слишком тесной келье, и пару раз повернулся, чтобы понять, сможет ли он здесь переодеться. Облачившись в купальный костюм, он тут же со стоном упал на треугольную скамейку. Костюм складками спадал с его нескладной фигуры. Было тихо, за исключением убаюкивающего плеска волн снаружи. Потом он услышал, как в одной из кабинок на пол упала пара туфель, и в отчаянии начал колотить по доскам, как грешник у закрытых дверей рая.

– Том, – жалобно звал он. – Том...

Сквозь стенки кабинок до него донесся гневный голос, приглушенный одеждой:

– Иди ты к черту!

Веснушчатый начал стонать, и его услышали обитатели всех кабинок.

– Прекрати эти сопли, – сердито крикнул высокий из своего невидимого убежища. – Ты же взял напрокат купальный костюм, так? Тогда...

– Это никакой не костюм, – крикнул веснушчатый, обращаясь к стенам кабинки. – Это целая палатка, шатер, или вроде того. В этом никак нельзя купаться.

Высокий вышел из кабинки. Синий костюм сидел на нем, как вторая кожа. Он величественно проследовал по дорожке между рядами кабинок. Остановившись перед дверью той, где укрылся его друг, он резко постучал в нее костяшками пальцев.

– Выходи, болван, – сказал он сердитым шепотом. – Это все твоя проклятая гордость. Надень его, да и все. Чего стесняться? В жизни не видал такого гордого дурака!

Его настойчивость дала плоды, и веснушчатый покинул свое убежище. Высокий отшатнулся и ударился в дверь противоположной кабинки. Веснушчатый строго посмотрел на него.

– Ну ты и осел, – сказал он с презрением и решительно двинулся по дорожке. Его пухлые ноги гордо ступали по доскам. Высокий неуверенно последовал за ним, не сводя глаз с фигуры перед собой.

Пытаясь побороть стеснение, веснушчатый принял важный вид. Шагая так, будто участвовал в какой-то торжественной процессии, он прошел по дощатому настилу, спустился по ступенькам и вышел на песок.

На пляже были мопс, три старушки на скамейке, мужчина, горничная с книгой и зонтиком и чайка, парящая высоко в небе. Вдалеке на горизонте море встречалось с небом, и от этого зрелища захватывало дух. У кромки воды, на мокром песке, стояла девушка, у ног которой шуршали волны.

Веснушчатый величественной поступью двинулся по пляжу. Высокий, онемев от изумления, шел позади. Они приблизились к девушке.

Вдруг с высоким случился припадок, и он затрясся от смеха. Девушка обернулась и увидела веснушчатого в удивительном костюме. На ее очаровательном лице отразилось изумление, которое через мгновение сменилось ослепительной улыбкой.

Это окончательно добило веснушчатого. Он отчаянно попытался увеличиться в размерах, чтобы костюм облегал его плотнее, а затем бросил испепеляющий взгляд на своего спутника и побежал прочь по пляжу. Высокий устремился за ним, издавая насмешливые крики, которые жалили веснушчатого, как укусы насекомых. Казалось, несчастный пытается совсем покинуть этот мир. Наконец, он остановился и обернулся.

– Ты негодяй, Том Шарп, – сказал он, стиснув зубы. – Еще немного, и я тебя придушу.

Высокий все не мог прийти в себя и не сводил остекленевших глаз с купального костюма. Давясь от хохота, он забормотал:

– Боже мой! В жизни не видал такого костюма!

Взгляд веснушчатого мог убить.

– Том Шарп, я тебя...

Но высокий все лепетал:

– В жизни не видал такого костюма! Вот умора...

Веснушчатый бросился к воде.

II

Прохладные бурлящие воды океана успокоили его гнев, и он отдался на волю волн. Высокий тоже бросился в воду, и оба забыли о разногласиях и беззаботно плескались в море.

Веснушчатый, стремясь скрыться от посторонних взглядов, поплыл дальше от берега – туда, где был лишь одинокий рыбак в большой шляпе и трое мальчишек в купальных костюмах, которые смеялись и играли на плоту, сделанном из старых брусьев.

Двое мужчин медленно плыли над песчаными отмелями.

Трое мальчишек нырнули в море и с веселыми криками поплыли к берегу, а плот медленно повернулся и начал двигаться в сторону моря к какой-то неизвестной цели. Веснушчатый опустил лицо в воду и уверенными движениями поплыл к плоту. Высокий последовал за ним. Его согнутые руки появлялись и исчезали с почти что механической ритмичностью.

Плот медленно и неохотно плыл прочь от берега, будто заманивая кого-то в ловушку. Взгляд веснушчатого был прикован к плоту, который, казалось, только его и ждал. Высокий плыл за ним, используя как ориентир маленькую лысину на голове своего спутника.

Наконец, веснушчатый достиг плота и взобрался на него. Он лег на спину, тяжело дыша. Купальный костюм накрыл его, как сдутый аэростат. Высокий тоже добрался до плота, фыркнул, тряхнув спутанными волосами, и лег рядом со своим спутником.

Обоих охватила приятная дремота, и доски плота показались им удобной постелью. В полудреме они, не отрываясь, смотрели в необъятное летнее небо.

– Здорово, правда? – спросил высокий. Его спутник что-то блаженно промычал.

Нежные руки моря раскачивали судно, мирно убаюкивая их, а плещущаяся вода напевала им свои песни. Двое мужчин обменялись довольным хмыканьем.

– Том, – сказал веснушчатый.

– Что? – отозвался тот.

– Это просто прекрасно.

Они лежали, погруженные в свои мысли.

Парящий в небе ястреб-рыболов внезапно развернулся и спикировал к воде. Высокий лениво повернул голову и наблюдал, как птица схватила что-то в волнах и медленно поднималась, держа в когтях сверкающую серебристую рыбу.

– Та птичка снова намочила ноги. Какая жалость, – сонно пробормотал высокий. – Она все время, наверное, простужается. Ей бы резиновые сапоги не помешали. Да и смотрелись бы они отлично. Будь я на ее месте... о, Господи!

Он приподнялся, глядя в сторону берега, и закричал:

– Тед! Тед! Тед, смотри!

– Что там еще? – лениво спросил веснушчатый. – Ты орешь, как в тот раз, когда я тебе в ногу дробью попал. – Он тихо захихикал.

Высокий сделал взволнованный жест, который был понятнее слов. Его спутник вскочил и испуганно уставился в сторону берега.

– О, Боже мой! – вскрикнул он, как будто его ножом ударили.

Берег превратился в длинную коричнево-зеленую полосу, на которой блестели металлические крыши отелей. Сила волн унесла их далеко от земли. Двое мужчин в панике начали метаться по плоту.

– Что же нам делать? Что же делать? – простонал веснушчатый, трепеща от ужаса в объятиях своего фантастического костюма.

Вид далекого берега, казалось, зачаровал высокого, и он некоторое время молчал, но затем резко сбросил оцепенение и повернулся к веснушчатому. Сложив руки на груди, высокий сказал угрожающим тоном:

– Вот, значит, как? Это все твоя проклятая гордость, твой дурацкий купальный костюм, твоя чертова глупость! Так ты погубил своего лучшего друга.

Он отвернулся. Его спутник дернулся, будто его ударили, и умоляюще вытянул руки.

– Том, ну, Том, – жалостно залепетал он. – Не дури.

Казалось, что даже широкая спина его друга презрительно ухмылялась. На горизонте появились три корабля, а на далеком берегу цвета сменяли друг друга. До них донесся далекий свисток паровоза, будто он сигналил с небес.

– Том! Том! Дорогой друг, – дрожащим голосом произнес веснушчатый. – не говори так со мной.

– О, конечно, – ответил тот через плечо, все еще отвернувшись. – Значит, я должен все это сносить молча? Мне и слова нельзя сказать? Может, мне еще порадоваться?

– Ну, я... я... – начал веснушчатый.

Внезапно высокого охватила ярость.

– Ты меня похитил! Вот как обстоят дела! Ты обманом меня сюда заманил!

– Нет, – возразил веснушчатый. – Ты, наверное, считаешь, что я глуп.

Высокий мужчина выругался и сел, сердито болтая ногами в воде. Законы физики вынудили его спутника устроиться на другом конце плота.

Над водой были видны маленькие стайки рыб, которые поднимали крошечные бури. Рядом, трепеща всем телом, парила в воде ленивая медуза. Мимо пронеслась группа морских свинок. Небо стало серым, кроме того места, где над далеким берегом сгущались краски заката.

Двое путешественников, сидевшие спиной друг другу на обоих концах плота, долго спорились.

– Зачем ты вообще за мной увязался? – гневно вопрошал веснушчатый.

– Если бы ты не был так похож на бутылку, нас бы здесь не было, – отвечал высокий.

III

Огни заката на западе погасли, и на мир опустилась темнота. Показались фонари, мерцавшие, как чьи-то глаза во тьме. Путешественникам казалось, что наступившая ночь таит опасность, и страх объединил их. Они прижались друг к другу на середине плота.

– Я чувствую себя таким ничтожным, – тихо сказал веснушчатый.

– Два доллара отдал бы за сигару, – пробормотал высокий.

На фоне слабо желтевшего неба в сторону Барнегата¹ клином пролетела стая уток. Со стороны исчезнувшего на востоке горизонта пришли тени и порывы ветра.

– Мне кажется, я слышу голоса, – сказал веснушчатый.

– Эта Долли Рэмсделл – чертовски красивая девушка, – отозвался высокий.

Когда они почувствовали сырой ночной холод, веснушчатый обнаружил, что может энергичными движениями ног и рук завернуться в свой купальный костюм. Высокому оставалось лишь дрожать и посвистывать. На море окончательно опустилась ночь, в темноте показались многочисленные красные и зеленые огоньки. Среди волн двигались таинственные тени.

– Я вижу, там кто-то есть, – пролепетал веснушчатый.

– И зачем я заказал этот новый парадный костюм для завтрашней вечеринки? – задумчиво произнес высокий.

Море беспокойно вздымалось, как грудь матери, тоскующей о потерявшемся ребенке. Путешественники со страхом смотрели, как гребни волн пенились все сильнее. Вышла луна, окинув их равнодушным взглядом.

– Мы здесь не одни, – прошептал веснушчатый.

– Жаль, календаря нет под рукой, – заметил высокий, глядя на луну.

Они смотрели на зеленые и красные огни, мерцавшие вокруг них.

– Господь нас не оставит, – сказал с надеждой веснушчатый.

– Да, нас скоро подберут. Я ведь много кому денег должен, – согласился высокий. Он притворился, будто играет на воображаемом банджо. – Я слышал, – сказал он вдруг. – что капитаны надежных кораблей, отправившись в море, никогда не возвращаются обратно в порт. В таком случае нас спасет какое-нибудь судно, которое идет в южные моря. А там, конечно, ты опять выкинешь какую-нибудь чертову штуку, и нас высадят. Нас высадят на необитаемый остров! Вот что они сделают! Нас высадят на необитаемый остров! С пальмами и загорелыми красавицами и тому подобным! Загорелые красавицы, представляешь? Вот здорово! Да они же...

Он вдруг замолчал и замер. Вдалеке появился большой зеленый глаз, который уставился на незадачливых мореплавателей. Они в волнении вскочили на ноги и наблюдали, как он приближается.

Наконец, показался призрачный силуэт корабля. Рядом с зеленым глазом виднелись маленькие желтые точки. Путешественники услышали далекий скрип невидимых снастей и хлопанье призрачных парусов. Вскоре до них донесся шум волн, разрезаемых носом корабля. Высокий разразился восторженной речью:

– Ура! – воскликнул он. – А вот и наши спасители. Храбрые моряки! Как же мне хочется пожать мужественную руку капитана! Скоро ты увидишь, как белая лодка со звездой на носу отваливает от борта этого корабля. Бравые матросы в сине-белой форме помогут нам забраться в шлюпку и отвезут наши измученные тела на борт фрегата, где нас встретит красивый капитан с бородой и в шитом золотом мундире. А затем, в отделанной дубом каюте, попивая вино и раскуривая гаванские сигары, мы поведаем о перенесенных нами бедствиях и лишениях.

¹ Местечко на берегу Атлантического океана, в штате Нью-Джерси (Здесь и далее примечания переводчика)

Приближавшийся корабль напоминал гигантского черного зверя с пастью, наполненной пеной. Два путешественника встали и взялись за руки, а потом разразились диким криками, которые далеко разнеслись над поверхностью моря.

Казалось, эти вопли поражали корабль, как вражеские ядра. Люди на палубе кричали и метались туда-сюда, подбирали и снова бросали какие-то тяжелые предметы, снова что-то орали. С отвратительными скрипами и хлопаньем парусов судно остановилось.

Все это время путешественники взывали о помощи, пытаясь знаками сообщить кораблю о своем местонахождении в темноте. До них донесся голос:

– Эй, там, – сказал он.

Они принялись кричать, надувая щеки:

– Эй! Мы здесь! Сюда!

– Вам чего надо? – спросил голос.

Посмотрев друг на друга, путешественники вдруг разом опустили на плот. Какая-то пелена покрыла небо и погасила звезды. Но почти сразу высокий снова вскочил и начал кричать, пытаясь описать случившееся. Он топал ногами, делал страшные гримасы в темноту и издавал ужасные проклятия.

На судне, казалось, испугались этих голосов, стонавших из скрытой под водой пещеры. А теперь один из них еще и грозился страшными карами. Несколько фигур с огромными конечностями, которые в свете фонарей отбрасывали на море гигантские тени, начали спорить и жестикулировать.

Где-то в темноте высокий вопил не своим голосом. У веснушчатого подкосились ноги, и он сидел в каком-то ступоре.

Через некоторое время одна из гигантских фигур схватила канат, который тянулся за кормой, и вытащила из тени маленькую лодку. Три гиганта спустились в нее и осторожно погребли в сторону плота. Серебристая вода блестела во мраке, пока весла погружались в воду. Метрах в тридцати от плота лодка остановилась.

– Вы кто такие? – спросил голос.

Высокий взял себя в руки и объяснил. Он как можно ярче описал ситуацию, помогая себе красноречивыми жестами.

– Вот оно как, – сказали три великана.

Путешественники покинули плот. Оглянувшись назад, они ощутили в сердце какую-то нежность к его мокрым доскам. Немного позже они вскарабкались по борту судна и перелезли через ограждение.

На палубе их встретил человек, который поднес к их лицам фонарь.

– Жевательный табак есть? – спросил он.

– Нет, – ответил высокий. – С собой нету.

У человека было бронзовое от загара лицо и редкие бакенбарды. Из-за необычных складок вокруг рта всегда казалось, что он насмешливо улыбается. Босыми ногами он плотно стоял на покрытой трещинами палубе. Устрашающего вида штаны поддерживались одной подтяжкой, которая поднималась на противоположное плечо и спускалась по правой стороне спины, отчего его фигура разделялась на треугольники.

– Иезекииль П. Сэнфорд, капитан шхуны "Мэри Джонс", из Нью-Йорка, господа, – сказал он.

– О, – ответил высокий. – Очень приятно, правда.

Некоторое время все молчали. Гиганты нависали во мраке где-то рядом и смотрели на них. Вдруг капитан в изумлении воскликнул:

– Дьявол меня раздери, – крикнул он. – Это что на вас за шмотки?

– Купальные костюмы, – ответил высокий.

IV

Шхуна продолжила свой путь. Два путешественника сидели, оглядываясь. Через какое-то время они начали дрожать. Бархатная чернота летней ночи рассеялась, и над морем клубились серые туманы. Вскоре небо осветили первые проблески рассвета, и два маяка на далеких холмах потускнели и слабо замигали, как глаза гигантского умирающего зверя. Утренний холод пробрал двух мужчин в купальных костюмах до костей. Капитан иногда останавливался напротив них, засовывал одну руку за подтяжку и хохотал.

– Ох, будь я проклят, – говорил он сквозь смех.

Высокий, побледнев от унижения, злым голосом прошептал своему спутнику:

– Как нас неудачно спасли. Если б я только знал... – Он внезапно замолчал, глядя на подтяжку капитана. – Она сейчас порвется, – воскликнул он истерическим шепотом. Его глаза расширились, пока он наблюдал за хохотающим капитаном. – Еще минута, и ей конец, это точно.

Но капитан шхуны, успокоившись, пригласил их выпить и закусить. Они проследовали за ним по палубе и нырнули в темный ход, который вел в каюту, крошечную комнатку с когда-то белыми стенами, освещенную оранжевой лампой. В каком-то углублении стояли две койки, а в центре каюты был деревянный стол, выглядевший так непоколебимо, будто весь корабль был построен вокруг него. В квадратном окне на потолке виднелись звезды. Наружу вели несколько потертых ступенек.

Капитан достал солидного размера сухари и холодную ветчину, а потом со скоростью кометы взлетел по лестнице в небо.

Веснушчатый устроился вполне уютно, напоминая толстую скво, завернутую в одеяло. Высокий ходил по каюте и принюхивался. Его возмущала грубость спасителей, а из-за своего севшего костюма он чувствовал себя слишком большим. Размышляя о своем плачевном положении, он вдруг сорвался.

– Знаешь, я этого не потерплю! Святые небеса, ты только посмотри на это... нет, скажи, ради чего, черт возьми, ты вообще втянул меня в это дело? Какой же ты болван! Ты только глянь на эту ветчину!

Веснушчатый только что-то промычал. Он ощущал странное блаженство, сидя на скамье и уютно завернувшись в свой купальный костюм. Высокий метался по каюте.

– Это кошмар какой-то! Я поговорю с этим капитаном! Я все ему выскажу... – Он замолчал, увидев, что на лестнице показались чьи-то ноги. В каюту спускался капитан, неся откуда-то с неба дымящийся кофейник.

Высокий бросился вперед, собираясь разразиться гневной речью. Капитан не видел его, осторожно ступая по трапу и изо всех сил стараясь не уронить кофейник. Но ярость высокого быстро угасла. Он сделал взволнованный жест и что-то восторженно зашептал веснушчатому.

– Она точно сейчас порвется! Смотри скорее! Еще минута, и ей конец!

Пристально наблюдая за опасным спуском, он совсем забыл о своих зловещих предсказаниях. Но капитан ступил на пол каюты, не претерпев никаких изменений в гардеробе.

– Ну, – сказал он. – когда поедите, может, вы, это, захотите поспать. Если что, то тут на койках и дрыхните.

Высокий не ответил, продолжая напряженным шепотом:

– Еще минута, и ей точно конец придет. Смотри скорее, Тед!

Веснушчатый взглянул на маленькую кровать, на которой были свалены в кучу ботинки и брезентовые куртки, и вежливо ответил:

– Ну что вы, сэр, мы не посмеем вас стеснить. Ни в коем случае. Нам бы пару одеял, если можно, и мы очень удобно устроимся на этих скамьях.

Капитан запротестовал, вежливо выгибая спину и кивая головой. Подтяжка натянулась и заскрипела. Высокий, едва сдержав крик, подался вперед.

Веснушчатый сонным голосом настаивал на своем, и вскоре капитан оставил неуклюжие попытки его уговорить. Он дал веснушчатому розовое стеганое одеяло в желтую крапинку, а высокому – черное с красными розами. Потом он снова исчез где-то в небе.

Высокий смотрел ему вслед до тех пор, пока последние остатки брюк не исчезли с горизонта. Потом он завернулся в одеяло и лег. Веснушчатый довольно запыхтел, закутанный, как младенец. Желтые крапинки поднимались и опускались на его необъятной розовой груди.

Путешественники заснули. В тишине были слышны стоны деревянного корпуса шхуны, который море, казалось, пыталось раздавить. Плеск воды о борт судна был похож на чьи-то судорожные вздохи. Сотни духов ветра запутались крыльями в снастях и тихими голосами умоляли, чтобы их кто-нибудь освободил.

Веснушчатого разбудил какой-то звук. Он открыл глаза и увидел своего спутника, который стоял рядом. На его лице отражалось страдание, а глаза горели в темноте. Он вытянул вперед руки, как священник над могилой, и издал глубокий стон.

– Господи! – заорал веснушчатый, вскакивая. – Том, Том, что случилось?

Высокий мужчина заговорил испуганным голосом:

– В Нью-Йорк, – сказал он. – мы прибудем в Нью-Йорк в этих купальных костюмах.

Веснушчатый повалился обратно. Тени каюты окутывали таинственностью фигуру высокого, который в черном стеганом одеяле с красными розами напоминал какого-то древнего могущественного астролога.

V

Высокий лег и начал стонать. Веснушчатый почувствовал, что на него обрушились все несчастья мира. Он разозлился на высокого за то, что тот его разбудил, и они снова обменялись обвинениями.

– Ну, – сказал, наконец, высокий. – Наши дела плохи.

– Знаю, – сердито бросил в ответ его спутник.

Они в молчании смотрели в потолок.

– Что же, разрази меня гром, нам теперь делать? – спросил высокий через некоторое время. Его друг не ответил. – Эй, слышишь, – повторил он злым голосом. – черт возьми, что нам делать теперь?

– Да не знаю я, – сказал мрачно веснушчатый.

– Ну придумай же что-нибудь! – заревел высокий. – Думай, баранья твоя башка! Ты и так уже выставил себя полным идиотом!

– Ничего я не выставил.

– Думай давай! Ты в городе кого-нибудь знаешь?

– Есть один парень в Гарлеме, – сказал веснушчатый.

– "Есть один парень в Гарлеме" – передразнил его высокий. – Аж в Гарлеме! Как мы, черт побери, туда... да ты с ума сошел!

– Экипаж возьмем, – воскликнул веснушчатый, приходя в ярость.

Высокий вдруг стал спокойным.

– А еще кого-нибудь знаешь? – спросил он медленно.

– Есть другой парень где-то на Парк-плейс.

– "Где-то на Парк-плейс", – повторил высокий издевательским тоном. – Где-то на Парк-плейс! – С видом стоической покорности судьбе он отвернулся лицом к стене.

Веснушчатый выпрямился и, нахмурившись, посмотрел в сторону своего спутника.

– Ну, а теперь, я полагаю, ты собираешься ныть. Меня от тебя тошнит! А что нам еще остается, а? Найдем экипаж и поищем того парня на Парк-плейс... что такое? У тебя денег нет? Что за глупость! Ты же... ох!.. Ну, может, нам капитан одолжит какую-нибудь одежду. А? Видел ли я его? Да, я его видел. Да, маловероятно, что у человека, который носит такие брюки, может быть подходящая для нас одежда. Нет, я тоже не ношу штормовки и зюйдвестки. В Афины²? Конечно, нет! Я не знаю, где это, а ты? Так я и думал. Ты все время только других критикуешь, а сам толком ничего не знаешь. Что? На Бродвее? Да я скорее за борт брошусь. Боже упаси, мы можем сойти в Гарлеме. В Гарлеме нет экипажей. Не думаю, что мы можем подкупить матроса, чтобы он отвез нас на берег и вызвал экипаж к причалу, по той простой причине, что нам нечем его подкупить. Что? Конечно, нет. Послушай, Том Шарп, не смей так на меня ругаться. Я этого не потерплю. Что еще? И я тоже. Я тоже не буду. Что? Нет. Ничего подобного. И у меня нет. В любом случае, больше, чем у тебя. Ну, сам-то ты ничего умного не делаешь, только лежишь и ругаешься.

Наконец, высокий притворился, что храпит. Веснушчатый так сильно старался что-то придумать, что заснул.

Через некоторое время ему приснилось, что он в лесу, где на деревьях растут бас-барабаны. Дул сильный ветер, который сильно их раскачивал, и у него в ушах стоял ужасный грохот. Проснувшись, он обнаружил, что над ним стоит капитан шхуны.

² Город в штате Нью-Йорк, на реке Ченанго.

– Мы уже в Нью-Йорке, – сказал капитан, повышая голос, чтобы перекричать шум и грохот на палубе. – Вы, парни, эта, на берег-то будете сходить? – Он презрительно усмехнулся. – Только скажите, когда вас высадить, – добавил он, ухмыляясь веснушчатому.

Высокий проснулся, вскочил и схватил капитана за горло.

– Еще раз засмеетесь, убью! – сказал он.

Капитан забулькал и задвигал руками и ногами.

– Во-первых, – продолжал высокий. – Вы спасли нас чертовски недостойным образом. Мне от одной мысли об этом становится дурно. Да за один такой прием я бы вас вздул хорошенько. Во-вторых, ваш корабль идет в Афины, штат Нью-Йорк, а это нам совсем не подходит. Ну-ка, скажите, вы повезете нас обратно, туда, где осталась наша одежда, или в Филадельфию, где мы живем, или нет?

Он встряхнул капитана за плечи, а потом, ослабив хватку, стал ждать ответа.

– Не могу, – вскричал капитан. – Никак нельзя. Это не мой корабль. Мне нужно...

– Ладно, – перебил высокий. – тогда можете нам одолжить какую-нибудь одежду?

– Нет у меня одежды, – быстро ответил капитан. Лицо его покраснело, а глаза блеснули.

– Ладно, – сказал высокий. – тогда можете нам одолжить денег?

– Нет у меня денег, – еще быстрее ответил капитан, не выдержал и захохотал.

– Разрази вас гром! – заревел высокий. Он снова схватил капитана, у которого начались судороги. Высокий пытался разорвать его голыми руками. – Проклятый негодяй, – кричал он. – Все это – какой-то гнусный заговор, и вы в нем замешаны. Я вас точно убью!

Редкие усы капитана нервно задергались, будто какой-то безумный демон решил сплестись у него на подбородке. Глаза его выпучились, а многострадальная подтяжка заскрипела и натянулась, как снасть, удерживающая парус.

Внезапно высокий отпустил капитана, а на его лице отразилось встревоженное ожидание.

– Сейчас она точно порвется, – воскликнул он, потирая руки.

Но капитал взвыл и исчез в небе. Тут веснушчатый решился приблизиться, весь исполненный сарказма.

– Ну, теперь все, – сказал он. – Ты точно решил все вопросы. Капитан сейчас – единственный, кто во всем мире нам может помочь. Теперь он, разумеется, сделает все, что в его силах.

– Да ладно, – ответил высокий. – Не нравится, как я веду дела – не надо было вообще из дома выходить.

Они опять начали ссориться.

Наконец, они поднялись на палубу. Капитан стоял на корме, обращаясь к носовой части корабля с оскорбительными речами. Увидев путешественников, он замахал руками.

– Я вас скоро высажу, – заорал он.

Путешественники уставились друг на друга.

– Гм, – буркнул высокий.

Веснушчатый, взглянув на товарища, сказал самодовольным тоном:

– Видишь, он нас собирается высадить.

Высокий, пожав плечами, начал расхаживать по палубе.

– Ну-ну, посмотрим, как вы это сделаете, – вызывающе сказал он.

Капитан потянул за какой-то канат, и по его зову появилась шлюпка.

– Посмотрю я, что у вас получится, – повторял высокий.

Невозмутимый матрос в резиновых сапогах спустился в лодку и взялся за весла. Капитан жестом указал вниз, и его ус торжествующе дернулся. Путешественники посмотрели на шлюпку.

– Ну, полагаю, нам придется туда спуститься, – пробормотал веснушчатый.

Высокий стоял неподвижно, напоминая гранитную статую.

– Еще чего, – сказал он. – Не собираюсь. Ты как хочешь, а я туда не полезу!

– Да, но... – возразил его спутник.

Разгорелся ожесточенный спор, во время которого капитан метался по палубе, делая угрожающие жесты, но приблизиться к высокому не решался. Команда, ставшая значительно меньше после спуска невозмутимого матроса в шлюпку, наблюдала за происходящим с носовой части корабля.

– Ты дурак, – сказал веснушчатый в завершение спора.

– И что? – спросил высокий с крайним раздражением.

– И что? Ну, раз ты думаешь, что такой умный, давай сядем в лодку, и там увидишь, что к чему.

Он спустился в шлюпку и со зловещим видом уселся на корме.

– Вот увидишь, – сказал он своему спутнику, пока тот с трудом спускался в лодку. – Увидишь!

Матрос в резиновых сапогах спокойно направил шлюпку к берегу. Пока они отдалялись, капитан, перегнувшись через ограждение, хохотал. Веснушчатый сидел с торжествующим видом.

– Ну, разве мы не правильно сделали, в конце-то концов, а? – спросил он довольным голосом. Высокий не ответил.

VI

Когда они приблизились к причалу, у веснушчатого вдруг возникла какая-то мысль.

– Боже мой, – пробормотал он, уставившись на берег, который становился все ближе. – Господи, Томми, что же нам делать, – дрожащим голосом произнес он.

– Ах, вот как ты теперь заговорил, – воскликнул высокий. – Ты же был так доволен. – И он грубо захохотал. – Черт, вот будет умора, когда ты высадишься в этом костюме.

Этот смех ранил веснушчатого в самое сердце, и он обезумел.

– Разрази тебя гром, поворачивай назад! – заревел он. – Сию же минуту гребь обратно на корабль! Святые угодники, я не могу... поворачивай лодку, слышишь?

Высокий с кормы смотрел на своего спутника горящими глазами.

– Еще чего не хватало, – сказал он. – Плыдем дальше. Ты же сам этого хотел. – И он продолжал издеваться над своим несчастным другом.

Веснушчатый вскочил и замахал руками.

– Быстро сядь, – сказал высокий. – Лодку перевернешь.

Но тот продолжал кричать.

– Садись, говорю, – снова сказал высокий.

С губ веснушчатого срывались бессвязные слова, которые, казалось душили его, пока он отчаянно жестикулировал.

Шлюпка подошла к причалу. Высокий изо всех сил пытался сохранить равновесие, пока его товарищ опасно раскачивал лодку.

– Сядь на место, – все повторял он.

– Не сяду! – кричал веснушчатый – Я вообще ничего делать не буду. – При этих словах лодка закачалась.

– Послушайте, – продолжал он, обращаясь к матросу. – Просто разверните лодку, хорошо? Куда вообще вы нас везете, разрази меня гром?

Матрос посмотрел на небо, подумал и ответил:

– Я, эта, только делаю, как капитан сказал.

– Ну, а я плевать хотел, что там ваш капитан сказал! – проревел веснушчатый. Он сделал резкий шаг вперед. – Быстро поворачивайте обратно, или я...

Маленькая шлюпка накренилась и одним бортом зачерпнула воду. Веснушчатый, вскрикнув от страха, бросился на другой борт. Высокий отдавал команды матросу, который старался, как мог. С секунду шлюпка вела себя, как рвущаяся с цепи собака, а потом перевернулась

– Сядь, говорю! – в последний раз прокричал высокий, падая в воду. Матрос бросил весла, чтобы ухватиться за борт. Погружаясь в воду, он издавал проклятия на неведомом языке. Веснушчатый, захлебываясь, выкрикивал извинения и объяснения.

Два или три буксира, издав удивленные свистки, продолжили свой путь. Какой-то человек, дремавший на причале, проснулся и вздрогнул. Пассажиры проходившего мимо парома бросились к борту.

На их счастье, некий человек, который в маленькой лодке покачивался на волнах возле пирса, поспешил к месту кораблекрушения. Там он обнаружил водоворот, посреди которого появилось темное днище лодки, похожее на кита.

Вдруг из-под воды появились две головы.

– 839! – крикнул веснушчатый, закашлявшись. – Вспомнил! 839!

– Что такое? – спросил высокий.

– Это номер дома того парня, который живет на Парк-плейс. Я только сейчас вспомнил.

– Ах ты ж... – сказал высокий.

– Я не виноват, – перебил его спутник. – Если бы ты не... – Он попытался объяснить жестами, но одной рукой он держался за киль лодки, а другой поддерживал тело матроса, который потерпел поражение в неравной битве со своими гигантскими резиновыми сапогами.

Спаситель в маленькой лодке ринулся на помощь. Приблизившись к утопающим, он протянул руку, схватил высокого за шиворот и втащил в лодку, прервав поток его блестящего красноречия, направленный в адрес веснушчатого. Матроса-гребца с потерпевшего крушение судна осторожно перенесли через борт и положили на дно лодки. Затем, пыхтя и отдуваясь, туда же повалился веснушчатый.

– Ты и эту лодку перевернешь раньше, чем мы до берега доберемся, – заметил высокий.

Повернув к берегу, они увидели, что на ближайшем причале толпятся люди. Веснушчатый застонал. Но пристальные взгляды зрителей были прикованы к обмякшей фигуре матроса в резиновых сапогах. Десятки рук протянулись к ним, чтобы поднять его тело на причал, где какие-то люди схватили его и начали бить и подбрасывать. Находившийся тут же полисмен активно расталкивал зевак. Каждый в волнующейся толпе старался не отрывать взгляда от посиневшего лица матроса в резиновых сапогах. Зрители метались взад и вперед, пока полисмен лупил их направо и налево.

Путешественники, не привлекая внимания, поднялись на причал и, съежившись, усталились на толпу. С мгновение они стояли, с замиранием сердца ожидая, как кто-нибудь первым с удивлением покажет на них пальцем.

Но толпа все беспокойно волновалась, пытаясь увидеть матроса в резиновых сапогах, чье лицо так привлекало их внимание. Казалось, путешественников совсем никто не замечал. Они стояли в стороне и шептались.

– 839, – сказал веснушчатый.

– Хорошо, – ответил высокий.

Под безжалостными руками спасителей матрос начал подавать признаки жизни. Путешественники увидели, как он протестуя лягнул ногой, издавая сердитый стон.

– Ему лучше, – сказал высокий тихо. – Давай-ка убираться отсюда.

Вместе они бесшумно двинулись с причала. Вскоре им встретились шесть экипажей, стоявшие в ряд. Стоявшие на козлах извозчики были полны любопытства. Они недавно приехали сюда от соседней паромной переправы, когда узнали о случившемся. Стоя на цыпочках, они пытались разглядеть, что происходит в толпе.

Путешественники, сделав небольшой крюк, быстро направились к одному из экипажей. Когда они приблизились, высокий, задрвав голову, тихо позвал:

– Эй, извозчик.

Тот не ответил.

– Возница, послушайте, – прошептал веснушчатый.

Они с мгновение стояли, умоляюще глядя вверх.

Извозчик переступил с ноги на ногу.

– Черт подери, держу пари, он уже помер, – сказал он с волнением и снова превратился в статую.

Веснушчатый простонал и всплеснул руками. Высокий забрался в экипаж.

– Давай залезай сюда, – сказал своему спутнику. Веснушчатый забрался внутрь, и высокий захлопнул дверь, а затем высунул голову в окно.

– Извозчик! – проревел он громким голосом. – 839, Парк-плейс, и побыстрее!

Возница взглянул вниз и встретился взглядом с высоким.

– А?.. что? 839? Парк-плейс? Да, сэр. – Он неохотно хлестнул лошадь кнутом. Когда экипаж с грохотом тронулся, путешественники откинулись на грязные подушки и с облегчением вздохнули.

– Ну, вот, все позади, – сказал, наконец, веснушчатый. – Скоро все будет хорошо. И даже скорее, чем я думал. Намного скорее. А то я уже начал думать, что мы обречены. Слава Богу, что все так закончилось. Я так рад. И я очень надеюсь, что ты... ну, я не хочу... возможно, сейчас не самое лучшее время, чтобы... то есть я не хочу читать тебе мораль в неподходящий момент, но, мой дорогой, дорогой друг, я думаю, что настало время указать тебе, что твое упрямство, твой эгоизм, твой вредный характер и все другие твои недостатки могут доставить много неприятностей тебе самому, мой дорогой товарищ, а не только другим людям. Ты же видишь, до чего ты нас довел, и я искренне надеюсь, мой дорогой, ненаглядный друг, что скоро увижу, что ты, наконец, становишься мудрее.

Аукцион

Некоторые считали, что Фергюсон больше не был матросом потому, что устал ходить в море. А другие говорили, что причиной этого стала любовь к женщине. На самом деле, он устал ходить в море и полюбил женщину.

Он увидел ее лишь раз, и она стала для него символом всего того, чего он лишился, выходя в море. Он теперь не думал о старой серой богине, которая вечно рокошет, повинуюсь приказам луны. Его больше не волновали ее прелести и сокровища, улыбки и припадки гнева, ее гордость и тщеславие. Он последовал за простым маленьким человеком, и теперь его мысли всегда были заняты этой женщиной, в то время как океан заставлял его думать только тогда, когда он был на вахте.

Он теперь лишь ухмылялся, когда речь заходила о могуществе моря, и в насмешку решил продать красно-зеленого попугая, который совершил с ним четыре плавания. Женщине, однако, нравилось оперение птицы, и она приказала Фергюсону оставить ее, хотя сама частенько забывала ее покормить.

На свадьбу попугая не пригласили. Он остался дома и ругался в адрес мебельного гарнитура, купленного в рассрочку и расставленного в ожидании прибытия жениха и невесты.

Будучи моряком, Фергюсон испытывал сильную привязанность к портвейну и теперь, постоянно находясь в берегу, пытался превратить свою жизнь в бесконечный праздник. Он совсем не был примерным семьянином. В маленькой квартирке стало затруднительно даже умываться, потому что Фергюсон занял раковину льдом, в котором были бутылки пива. И вот, в конце концов, торговец подержанной мебелью согласился выставить их обстановку на аукцион. Из-за чрезвычайно широкой трактовки одного пункта в договоре попугай и клетка были тоже выставлены на торги.

– Что, серьезно? – орал попугай. – Что, серьезно? Что, серьезно?

По дороге на аукцион жена Фергюсона с надеждой в голосе сказала:

– Кто его знает, Джим, может, кто-то из них начнет торговаться, и мы получим почти столько же, сколько сами заплатили за мебель.

Аукцион проводился в подвале, так забитом людьми и мебелью, что, когда помощник аукциониста переходил от одного предмета к другому, ему приходилось расчищать себе путь. Присутствовало удивительно много старух в причудливых шляпках. Шаткая лестница была заполнена мужчинами, желавшими покурить и избавиться от компании старушек. В свете двух ламп все лица казались желтыми, как пергамент, зато даже самая плохая мебель выглядела вполне презентабельно.

Толстый аукционист выглядел хитрым и насмешливым человеком. Его абсолютно невозмутимый помощник двигался так величаво, что был похож на какой-то огромный портрет на колесах. Когда чета Фергюсонов пробила себе путь к подножию лестницы, помощник заревел:

– Лот двадцать два!

– Лот двадцать два! – крикнул аукционист. – Лот двадцать два! Прекрасное новенькое бюро! Два доллара? Начальная ставка два доллара! Два с половиной! Два с половиной! Три? Три доллара. Четыре! Четыре доллара! Прекрасное новенькое бюро за четыре доллара! Четыре доллара раз! Четыре доллара два! Четыре доллара три! Продано за четыре доллара.

– Что, серьезно? – крикнул попугай откуда-то из-за комодов и ковров. – Что, серьезно? Все захихикали. Миссис Фергюсон побледнела и схватила мужа за руку.

– Джим! Ты слышал? Наше бюро... всего за четыре доллара...

Фергюсон бросил на нее сердитый взгляд человека, который боится, что произойдет сцена.

– Замолчи, а?

Миссис Фергюсон присела на ступеньки и, скрытая плотными рядами зрителей, начала тихо плакать. Сквозь слезы она видела лишь желтоватый туман от лампы, в котором плавали чудовищные тени зрителей, которые иногда оживленно перешептывались:

– Слышал, вот это по дешевке пошло!

Когда что-либо уходило молотка по особенно низкой цене, среди них слышался ропот восхищения победителем торгов. Кровать была продана за два доллара, матрасы и пружины – по доллару шестьдесят центов. Эти цифры, казалось, поражали женщину в самое сердце. В них звучала насмешка. Она закрыла голову руками.

– Ох ты, Боже ж мой, доллар шестьдесят! Господи, всего-то доллар шестьдесят!

Клетка с попугаем, очевидно, была под грудой ковров, но бесстрашная птица все равно продолжала кричать:

– Что, серьезно?

Некоторые мужчины, стоявшие рядом с миссис Фергюсон, робко отодвинулись подальше, услышав ее тихие рыдания. Они прекрасно знали, что женщина в слезах – это грозная сила.

Пронзительный голос аукциониста, словно молот, раз за разом обрушивался на измученную женщину. Она задыхалась от запаха лака и пыли со старых ковров, который казался ей зловещим. Золотистый туман от двух ламп создавал атмосферу стыда, печали и жадности. Но именно крик попугая стал последней каплей, после которой ужас перед этим местом и взглядами присутствовавших людей охватил ее с такой силой, что она даже не могла больше поднять голову, будто та вдруг стала каменной.

Наконец, пришла очередь птицы. Помощник с трудом нашел клетку, и птица оказалась на всеобщем обозрении. Попугай спокойно поправил перья и окинул толпу злобным взглядом.

– Прекрасный корабль по морю плывет,

И ветер попутный весь день не спадет...

Это был отрывок из баллады, которой Фергюсон пытался обучить птицу. Попугай выкрикнул эти строки в адрес аукциониста с необычайной дерзостью и презрением, как будто считал, что они будут особенно оскорбительными.

Гудение толпы в подвале переросло в хохот. Аукционист попытался начать торги, но попугай прервал его повторением стихов. Он важно расхаживал взад-вперед на своем насесте и вглядывался в лица толпы с такой наглостью и насмешкой, что даже сам аукционист не осмелился ему противостоять. Аукцион был прерван, воцарилось всеобщее веселье, и все давали язвительные советы.

Фергюсон посмотрел на жену и застонал. Она прижалась к стене, пряча лицо. Он тронул ее за плечо, и женщина встала. Они тихо прокрались вверх по лестнице, опустив головы.

Выйдя на улицу, Фергюсон сжал кулаки и сказал:

– О, как я хотел бы его придушить!

Голосом, полным глубочайшего горя, его жена закричала :

– Он... он... выставил нас посмешищем.... перед всей этой толпой!

Ведь это бедствие – то, что с молотка пошла вся их обстановка, – потеряло всю свою значимость по сравнению с позором, вызванным смехом толпы.

Один в поле воин

I

Темные заросли мескитовых деревьев простирались до горизонта. Нигде не было ни человека, ни строения, которые бы позволили предположить, что где-то есть города и толпы людей. Казалось, весь мир стал безжизненной пустыней. Однако иногда, в те дни, когда не поднимался жаркий туман, на юго-западе можно было разглядеть неясные, призрачные голубые очертания, и задумчивый пастух мог вспомнить, что где-то там были горы.

На этих равнинах стояла такая тишина, что внезапный стук жестяной кастрюли мог бы заставить даже человека с железными нервами подпрыгнуть от неожиданности. Небо всегда было абсолютно чистым, и увидеть облака было настоящим праздником; но временами пастух мог видеть, как за много миль от него ползли длинные белые тучи пыли, поднимавшиеся от копыт чужого стада, что вызывало у него жгучий интерес.

Билл усердно готовил себе ужин, склонившись над огнем, как кузнец над горнилом. Какое-то движение, мелькнувшая в кустах тень необычного цвета, заставило его внезапно повернуть голову. Он встал и, прикрывая глаза рукой, стал вглядываться перед собой. Наконец, он увидел мексиканского пастуха, который пробирался к нему через заросли.

– Привет! – крикнул Билл.

Мексиканец не ответил, но продолжал идти, пока не приблизился метров на пятнадцать. Он остановился и, сложив руки, принял позу, в которой в театре обычно стоят злодеи. Серапе скрывало нижнюю часть его лица, которое было в тени из-за большого сомбреро. Этот неожиданный и молчаливый гость казался призраком; более того, он явно хотел выглядеть как можно более таинственно.

Американец замер, все еще держа в руке сковородку, а его трубка, небрежно торчавшая в уголке рта, застыла чашей вниз. Он с явным удивлением рассматривал этого призрака, возникшего среди мескита.

– Эй, Хосе! – сказал он. – Что случилось?

Мексиканец заговорил с торжественностью, характерной для похоронных речей:

– Билл, ты уходи отсюда. Мы хотим, чтобы ты ушел. Нам не нравится. Понимать? Нам не нравится.

– Ты что имеешь в виду? – спросил Билл. – Что вам не нравится?

– Нам не нравится, что ты здесь. Понимать? Слишком много. Ты уходи. Нам не нравится. Понимать?

– Чего "понимать"? Нет, я ни черта не понял. Что ты такое говоришь? – От изумления глаза Билла округлились, а челюсть отвисла. – Мне надо уходить? Я отсюда должен уйти? А что я взамен получу?

Маленькой желтоватой рукой мексиканец откинул серапе. Теперь на его лице была видна улыбка – зловещий оскал убийцы.

– Билл, – сказал он. – Ты уходи.

Рука Билла, державшая сковородку, опустилась, и он повернулся обратно к костру.

– Проваливай отсюда, крыса проклятая! – бросил он через плечо. – Я никуда уходить не собираюсь. У меня такие же права, как и у всех остальных.

– Билл, – ответил гость дрожащим голосом, наклоняя голову вперед и двигая одной ногой. – Ты уходи, или мы тебя убивать.

– Кто это "мы"?

– Я... и другие, – Мексиканец гордо ударил себя в грудь.

Немного подумав, Билл ответил:

– Никаких прав у вас нет, чтобы меня прогонять с этого участка. Я и с места не сдвинусь. "Понимать?" У меня есть права. Конечно, если я их буду защищать, то никто, скорее всего, мне не поможет всыпать вам, ребята, хорошенько, потому что я здесь единственный белый на полдня пути. А теперь послушай меня: если вы попробуете напасть на мой лагерь, я половину из вас положу на месте, уж ты мне поверь. Я с вами шутить не собираюсь. Кроме того, кабальеро, если бы я был на твоём месте, то во время стрельбы оставался бы в тылу, потому что в тебя я особенно хорошо буду целиться. – И он приветливо улыбнулся и махнул рукой.

Мексиканец в ответ взмахнул руками с выражением полнейшего безразличия.

– Ладно, хорошо, – сказал он, а затем тоном, полным угрозы и злорадства, добавил: – Если ты не уходишь, мы тебя убивать. Они все решит.

– А, так они "решит", значит? – сказал Билл. – Ну, так передай им, чтобы убирались к дьяволу!

II

Билл был когда-то владельцем шахты в Вайоминге, известным человеком, местным аристократом, одним из тех немногих, кто пользовался неограниченным кредитом в близлежащих салунах. У него была определенная репутация, которая позволяла помешать линчеванию или дать преступнику нужный совет об особых достоинствах какого-то не столь отдаленного места. Но однажды судьба перестала быть к нему благосклонна, и тем вечером, когда он решил сыграть в карты по-крупному, ему всегда приходили три крупные карты тогда, когда его соперник повышал ставки. Стоит отметить, что Билл считал все свои жизненные невзгоды мелочью по сравнению с невероятными событиями того вечера, когда к нему несколько раз пришли три короля, но у противника оказывался стрит³. Потом он стал ковбоем, что после столь долгого пребывания в высших слоях общества было особенно мучительно. К этому времени от его бывшего великолепия у него остались лишь гордость и тщеславие, от которых в его положении как раз нужно было избавиться в первую очередь. Он убил управляющего на ранчо из-за несущественного спора о том, кто из них говорил неправду, и ночной поезд увез его на восток. Он стал кондуктором в "Юнион Пасифик"⁴ и отличился в войне с бродягами, которая на протяжении многих лет опустошала прекрасные железные дороги нашей страны. Сам будучи обижен судьбой, он с большой жестокостью относился к тем, кого постигли такие же несчастья. У него был такой свирепый вид, что бродяги обычно сразу отдавали все гроши или табак, которые у них были; и если потом он все равно вышвыривал их из поезда, то только потому, что в этой войне такое отношение было обычным делом. В знаменитом сражении, которое состоялось в Небраске в 1879 году, он мог бы прославить свое имя на всю страну, если бы не один дезертир из армии Соединенных Штатов. Он возглавлял героическую и стремительную атаку, которая действительно сломала силы армии оборванцев в этой местности на три месяца; он уже поразиł четырех бродяг своей палкой, когда камень, брошенный бывшим игроком третьей базы из четвертой роты девятого пехотного полка уложил его на землю, после чего он некоторое время провел в больнице в Омахе. После выздоровления он работал на других железных дорогах и сортировал вагоны на бесчисленных станциях. В Мичигане он участвовал в забастовке, и после этого месть железнодорожных властей преследовала его до тех пор, пока он не сменил имя. Такой шаг, будто темнота, в которой действует грабитель, избавляет людей от многих распространённых страхов. Это изменение, которое кажется не таким уж и значительным, постепенно уничтожает в нас то, что называют совестью. Как-то кондуктор №419, стоя лицом к лицу с Биллом в служебном вагоне, назвал его лжецом. Билл попросил его выразиться повежливее. В свое время он не стал утруждать себя такой просьбой в адрес управляющего ранчо Тин-Кэн, а просто убил его на месте. Кондуктор остался при своем мнении, и Билл решил оставить оскорбление без ответа.

Потом он стал вышибалой в одном из салунов Бауэри⁵, в Нью-Йорке. Здесь в большинстве драк ему сопутствовал такой же успех, как в борьбе с бродягами на Западе. У четырех чистеньких барменов, работавших за огромной и сверкающей стойкой, он вызывал настоящее восхищение. Его уважали. Он чуть не убил Плохиша Хеннесси, реальные способности которого, как оказалось, не соответствовали его репутации, и его слава распространилась по всему Бауэри.

Но когда человек делает драки своей профессией, то со временем его самоуверенность переходит всякие границы. Именно так и случилось с Биллом; когда он стал считать себя непо-

³ Комбинации в игре в покер, стрит бьет три карты, но встречается реже.

⁴ Крупная железнодорожная компания.

⁵ Улица и прилегающий к ней район Нью-Йорка, в котором в 19 веке были сосредоточены многие значные места.

бедным, неизбежное поражение подкралось с самой неожиданной стороны. Одной летней ночью в салуне трое матросов с крейсера "Сиэтл" пили и дружелюбно вмешивались в чужие дела. Билл, который к тому времени уже не раз успешно избивал любых противников, внезапно решил, что матросы разговаривали непозволительно громко. Подойдя к ним с заносчивым видом, он обратил их внимание на тот факт, что салун – это мирная обитель покоя и тишины. Посмотрев на него с удивлением, они, не раздумывая ни секунды, предложили ему убраться куда подальше. После чего он вышвырнул одного матроса в боковую дверь, прежде чем двое других смогли ему помешать. На тротуаре произошла короткая схватка, сопровождаемая хриплыми ругательствами, после которой Билл удалился обратно в салун. Его лицо искажала гримаса притворного гнева, и всем своим видом он напоминал вождя какого-то дикого племени. Он взял из-за стойки длинную желтую дубинку и важно направился к главному входу, чтобы не допустить повторного проникновения разгневанных моряков в заведение.

Моряки понимают друг друга без слов, и, оказавшись вместе на улице, трое матросов молча начали действовать. Сухопутным жителям потребовалась бы пара лет обсуждений, чтобы достигнуть такого уровня согласованности. Не обменявшись ни словом, они тут же схватили длинный деревянный брус, который лежал близости. Впереди один матрос направлял таран, а двое других позади придавали стенобитному оружию нужную силу. Описав красивую дугу, они, как римские легионеры, обрушились на главную дверь салуна.

Законы судьбы таинственны и непостижимы. Билл, с выражением благородного гнева на лице и с длинной дубинкой в руках, появился в дверях как раз в этот момент. Он стоял там величественно, как статуя бога победы. В ту секунду, когда его гордость достигла наивысшей точки, этот ужасный брус ударил его в живот, и его будто ветром сдуло. Мнения о том, куда именно ему попал таран, расходятся, но после этого случая он оказался в юго-западном Техасе, где стал пасти овец.

Матросы нанесли еще три удара по стеклянной витрине салуна, и когда они закончили, заведение выглядело так, будто его только что спасала от огня деревенская пожарная команда. Осматривая повреждения, нанесенные салуну, его владелец заметил, что Билл был очень ревностным защитником его собственности. Осматривая повреждения, нанесенные Биллу, врач кареты скорой помощи заметил, что его рана была больше похожа на пробоину в борту корабля.

III

Когда его мексиканский друг беззаботно удалился, Билл с задумчивым видом повернулся к сковороде и костру. После обеда он вытащил из старой, потрепанной кобуры револьвер и внимательно осмотрел его. Это был тот самый револьвер, из которого он убил управляющего и еще нескольких человек в других перестрелках, хотя они далеко не всегда заканчивались смертью противников. Билл очень любил его за верность, с которой он ему служил. Такой преданности нельзя было ожидать ни от собаки, ни от лошади, ни даже от человека. Револьвер не задавал вопросов о социальном положении или морали, а просто слепо повиновался воле хозяина, будь он святым или убийцей. Это был коготь орла, зуб льва, яд змеи; и когда Билл доставал пистолет из кобуры, этот верный слуга наносил точный удар туда, куда он прикажет, хоть в пятак с тридцати шагов. Поэтому револьвер был его самым дорогим достоянием, и в юго-западном Техасе он не променял бы его ни на горсть рубинов, ни даже на то, чтобы хорошенько проучить кондуктора № 419.

Вторую половину дня он провел, выполняя обычную работу и отдыхая в той же глубокой задумчивости. Над тенистым морем мескитовых зарослей уже клубился дым от костра, на котором он готовил ужин, когда чутье опытного жителя прерии подсказало ему, что эту тишину и запустение снова нарушило появление незнакомца. Он увидел неподвижного всадника, черный силуэт которого выделялся на фоне бледного неба. На незнакомце были серапе, сомбреро и даже гигантские мексиканские шпоры. Когда черная фигура начала приближаться, рука Билла потянулась к револьверу.

Но вскоре он смог разглядеть явно американские черты лица и слишком красную для мексиканца кожу и отнял руку от кобуры

– Здорово! – крикнул всадник.

– Здорово! – ответил Билл.

Незнакомец снова двинулся вперед.

– Добрый вечер, – сказал он, натянув, наконец, поводья.

– И вам добрый, – ответил Билл не слишком дружелюбно.

С мгновение двое мужчин пристально разглядывали друг друга. В прерии, где легко встретить конокрадов или подозрительных бродяг, такой взгляд никто не считает невежливым.

Билл видел, что незнакомец явно был чужаком в этих прериях. Этот молодой человек потратил немало денег на дорогой мексиканский наряд. Билл пытался угадать в его облике какой-то намек на род его занятий, но не смог. Несмотря на колоритный местный костюм, было ясно, что перед ним уроженец какого-то мрачного города далеко на севере. Огромные стремяна для мексиканского седла он выбросил и заменил их на английские, отчего ноги ему пришлось вытянуть вперед, пока сталь плотно не обхватила лодыжки. Оглядев незнакомца, Билл остановил свой взгляд на его стремянах и вытянутых ногах и сразу же дружелюбно улыбнулся. Человек, который скакал по прерии в таком виде, никак не мог оказаться злодеем.

Что же касается незнакомца, то перед ним был оборванный человек со спутанными волосами и бородой, лицо которого покраснело от солнца и частого употребления виски. Он увидел глаза, которые сначала смотрели на него зверем, но потом их взгляд стал робким, почти детским. Очевидно, что это был человек, который часто добивался успеха в жизни и знал себе цену.

Незнакомец дружелюбно улыбнулся и спрыгнул с лошади.

– Надеюсь, сэр, вы мне позволите сегодня переночевать в вашем лагере?

– Чего? – спросил Билл.

– Вы мне позволите сегодня переночевать в вашем лагере?

Некоторое время Билл, казалось, от удивления не мог произнести ни слова.

– Ну, – ответил он, недружелюбно нахмурившись. – не думаю, что это подходящее место для ночлега, мистер.

Незнакомец, уже повернувшись к седельной сумке, быстро обернулся.

– Что? – с удивлением спросил он. – Вы не хотите, чтобы я тут остановился? Не хотите?

Билл неловко переминался с ноги на ногу, пристально уставившись на кактус.

– Ну, видите ли, мистер, – сказал он. – Я бы и рад вам составить компанию, но... понимаете, некоторые из местных парней собираются прогнать меня сегодня вечером с этого участка; я был бы не против вашего общества, но не могу позволить себе втягивать вас в неприятности, к которым вы не имеете отношения.

– Собираются прогнать вас сегодня с участка? – вскричал незнакомец.

– Ну, они так сказали, – ответил Билл.

– Но скажите, ради Бога, они вас убить собираются?

– Не знаю. Не узнаешь, пока это не случится. Видите ли, обычно они выбирают какого-нибудь парня, который один живет, как я, а потом нападают на его лагерь, когда он не совсем готов дать отпор, и стреляют в него из обреза, прежде чем у него появляется шанс выстрелить в ответ. Они прячутся поблизости и выжидают, пока настанет удобный момент. Когда живешь один, не получится все время быть начеку. Может, они даже нападают, когда человек спит. Или этому парню надоедает ждать, и он сам к ним идет среди бела дня и убивает двоих или троих просто для того, чтобы остальные бросились на него и все закончилось. Я слышал, что один раз был такой случай. Это очень трудно вытерпеть, когда такая банда тебя стережет.

– Так они сегодня вечером собираются напасть на лагерь? – воскликнул незнакомец. – А откуда вы знаете? Кто вам сказал?

– Один из них приходил и мне сказал.

– И что вы собираетесь делать? Сражаться?

– А больше ничего не остается, – ответил Билл мрачно, все еще разглядывая кактус.

Повисло молчание. Наконец, незнакомец вскричал в изумлении:

– Ну, я такого еще в жизни не слышал! А сколько их?

– Восемь, – ответил Билл. – И послушайте-ка, уважаемый, это не ваше дело, не стоит вам здесь оставаться, а лучше уезжайте, пока не стемнело. Я помощи не прошу. То, что вы тут оказались, не значит, что вы мне должны помогать, и лучше бы вам обратиться поскорее.

– А скажите, ради всего святого, почему бы вам к шерифу не обратиться?

– О, да провались он! – ответил Билл.

IV

Длинные клубящиеся облака расползлись по небу на западе, а на востоке среди пурпурного сумрака пустыни лежали серебристые туманы.

Наконец, когда в небе поднялась огромная луна и осветила кусты своим призрачным сиянием, костер окрасился в новый, еще более яркий багровый цвет, и языки пламени весело прыгали по ветвям мескита, наполняя тишину песней огня, древней мелодией, которая напоминает о незначительности судьбы одного человека – тем посланием, что заключено в шуме моря и шелесте ветра в траве и ветвях болиголова.

Ни одна фигура не двигалась в залитом розоватым светом лагере, и среди кустов, казалось, не было ни одной живой души. Часов не было, и ничем было не измерить тягостную тишину, повисшую над прерией.

Роса придавала темноте под мескитовыми деревьями бархатный оттенок, отчего воздух казался густым, непроницаемым, и ни один глаз не смог бы разглядеть в этом мраке каких-то черных существ, которые, как чудовищные ящерицы, подкрадывались к лагерю. Ветви и листья, которые в прерии при приближении опасного зверя часто подают сигнал тревоги, застыли при виде этих пугающих силуэтов, которые двигались с жутковатым изяществом змей. Они остановились там, где отблески костра точно не смогли бы выдать их присутствие, и замерли, высматривая добычу. В одном романе рассказывается о черной пещере, скрытой глубоко под землей, войдя в которую, человек видит только маленькие глазки змей, угрожающе устремленные на него. Но если бы кто-то сейчас оказался в этих зарослях, его без всяких змей охватил бы настоящий ужас. Он бы почувствовал, как от страха сжимается горло и подкашиваются колени.

Наконец, две из этих таинственных фигур приблизились друг к другу настолько, что можно было различить лица, на которых были зловещие улыбки людей, предвкушающих скорую страшную месть.

– Слава Богу, этот дурак спит у костра!

Ответом служила улыбка, в которой можно было прочесть неподдельную радость от того, в каком тяжелом положении оказался дурак. Во мраке произошел обмен жестами, а затем послышался едва уловимый шорох, часто прерываемый паузами, во время которых было слышно лишь слабое дыхание.

В свете костра один из кустов возвышался, как скала, отбрасывая длинную тень. С чрезвычайной осторожностью эти двое продвигались вдоль этой тени и наконец подошли к кусту вплотную. Сквозь ветви они с чувством приятного удовлетворения смогли разглядеть фигуру в сером одеяле, распростертую на земле возле костра. Улыбка радостного предвкушения быстро исчезла, уступив место спокойной деловитости. Два человека подняли свои короткие обрезы, и, прицелившись сквозь ветви, одновременно нажали на курок.

Грохот выстрелов пронесся над зарослями мескита, как будто эти ружья хотели, чтобы их услышал весь мир. Когда рассеялся серый дым, прятавшиеся в кустах люди, увидев, как дернулась закутанная в одеяло фигура, хором весело расхохотались и с радостью вскочили на ноги. Радостными жестами поздравляя друг друга, они храбро шагнули в освещенный костром круг.

Тут внезапно откуда-то из темноты послышался смех – устрашающий, полный насмешки, ненависти и ярости. Этот голос мог бы принадлежать демону из преисподней. Он застал врасплох этих ликовавших пришельцев, подобно тому как в трагедии суровый голос с неба поражает злодея. Они застыли, как восковые фигуры. Свет угасающего костра падал на их желтые лица, а глаза, обращенные в темноту, сияли от ужаса перед неизвестным противником.

Существо в сером одеяле больше не двигалось; но если сначала они протянули в его сторону руки с ножами, то теперь отдернули их назад, закрываясь локтями, как будто ожидали, что смерть придет с неба.

Этот смех настолько сковал их рассудок, что они даже не могли пошевелиться, став пленниками собственного ужаса. Затем внезапно пришло запоздалое осознание того, что нужно спасаться, и с бессвязными криками они повернулись, чтобы бежать. Но в этот момент в темноте мелькнула длинная красная вспышка, послышался выстрел, и один из мужчин издал отчаянный вопль, повернулся вокруг себя и упал головой вперед. Даже густые заросли не смогли встать на пути у остальных.

В прерии вновь воцарилась тишина. Угасшее пламя костра слабо освещало завернутое в одеяло таинственное существо и труп незваного гостя, напевая всю ту же древнюю мелодию огня, которая напоминает о незначительности судьбы одного человека.

V

– Ну, теперь ваши дела совсем плохи, – сказал молодой человек хриплым от волнения голосом.

– Ничего подобного, – запальчиво возразил Билл. – У меня преимущество.

Немного подумав, незнакомец заметил:

– Ведь их еще семеро осталось.

Они медленно и осторожно подходили к лагерю. Первые лучи солнца развеивали серый сумрак на прерии. Тянущиеся к небу сучья и ветви отливали золотом, а тени под мескитовыми деревьями стали густо-синими.

Вдруг незнакомец издал испуганный крик. Он добрался до места, откуда сквозь просветы в зарослях ему было хорошо видно лицо мертвеца.

– Черт возьми, – сказал Билл через мгновение, тоже разглядев убитого. – Я было подумал, что это Хосе. Это было бы странно после того, что я ему вчера сказал.

Они двинулись дальше; незнакомец морщился, а на лице Билла отразилось любопытство.

Желтые лучи восходящего солнца освещали мертвого мексиканца, придавая его лицу нечеловеческое выражение и делая его похожим на маску из потускневшей меди. Одна рука, странно казавшаяся тоньше другой, была протянута к кусту кактуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.